

К. М. БЭР И Н. И. НАДЕЖДИН – ОСНОВАТЕЛИ РУССКОЙ ЭТНОГРАФИИ КАК НАУКИ¹

Данная статья ставит целью показать особое направление русской этнографии путем анализа идей двух ученых, руководивших этнографическим отделением Русского Географического Общества: его первого председателя – Карла Максимовича Бэра (1792–1876) и Николая Ивановича Надеждина (1804–1856).

В истории русской этнографии считается, что Н. И. Надеждин впервые поставил вопрос об изучении самого исторического образования народности, т. е. рассмотрел «историческое формирование русской народности»². В советское время К. М. Бэр и Н. И. Надеждин считались выразителями «либерально-буржуазного» направления, которое было еще сравнительно «прогрессивным» в русской этнографии³.

Однако в последнее время западные ученые противопоставляют Надеждина и Бэра. Так, Н. Найт утверждает, что в противовес сравнительной этнографии Бэра как «науки» империи Надеждин взял инициативу создания этнографии русской народности⁴. А. Елфимов тоже считает, что если идеи Бэра находились внутри рамок общего европейского естественнонаучного проекта, то интересы Надеждина остались в границах русского империалистического и националистического геополитического романтизма. Надеждин, по Елфимову, отличал естественнонаучные составляющие от компонентов типологических, гуманитарных исследований, и потом на основе этого различия стала господствовать тенденция, придающая более важное значение этнографическому «описанию», нежели разъяснению «научных законов» физической антропологии, и в советской этнографии направление Надеждина сохранилось, а подхо-

¹ Автор выражает искреннюю благодарность Сергею Волковскому за редактирование статьи. Работа выполнена при поддержке JSPS KAKENHI (Grant No. 17K03166).

² *Пытин А.* Изучения русской народности. Историко-литературный обзор. В: Н. И. Надеждин // Вестник Европы. 1882. Кн. 6. С. 661.

³ *Токарев С.А.* История русской этнографии (дооктябрьский период). М., 1966. С. 267.

⁴ Knight N. Science, empire, and nationality: ethnography in the Russian Geographical Society, 1845–1855 // Imperial Russia: new histories for the empire / J. Burbank, D. L. Ransel (eds.) Bloomington: Indiana University Press, 1998. P. 116–122.

ды Бэра, несмотря на их более «научный» характер, игнорировались¹.

Однако для того, чтобы выяснить взаимоотношения Бэра и Надеждина и определить характер направления деятельности в этнографическом отделе РГО, нужно тщательно проанализировать выступления двух этих руководителей русской этнографии.

* * *

В марте 1846 г. на собрании РГО Бэр читал доклад в русском переводе под названием «Об этнографических исследованиях вообще и в России в особенности». Этот доклад ясным образом продемонстрировал стремление Бэра к установлению этнографии как науки. В основе его утверждения о необходимости этнографических исследований вообще лежит критическое осознание современной ему ситуации с народами. Бэр считал, что под давлением западного «просвещения» уничтожаются малочисленные народы и поэтому нужно записать памятники их существования для будущего исторического изучения.

Он пишет: «Запасы для работ этнографических уменьшаются с каждым днем вследствие распространяющегося просвещения, которое сглаживает различия племен. Народы исчезают и остаются одни имена их. История открытия Сибири показала много имен народов, которые уже не существуют. Некоторые племена близки к уничтожению, напр. ливы [малочисленный прибалтийско-финский народ] и кривинги [почти исчезнувшее финно-угорское племя]»².

Очевидно, что Бэр обращает свое внимание на коренные народы, которые жили и живут на территории Российской империи. Он также подчеркивает необходимость этнографических исследований простонародной бытовой жизни: «Мы видим, что быт народный, соответствующий природе, все более и более изгоняется просвещением запада. Посему-то еще настоятельнее является надобность сохранить для будущего, в верных описаниях, особенности народного быта, прежде нежели это будет поздно»³.

Интерес Бэра к самобытному быту непросвещенного простого народа можно объяснить его критическим взглядом на колониаль-

¹ *Elfimov A.* Russian ethnography as a science: truths claimed, trails followed // *An Empire of Others: Creating Ethnographic Knowledge in Imperial Russia and the USSR* / R. Cvetkovski, A. Hofmeister (eds.) Budapest, New York: Central European University Press, 2014. P. 58–61.

² *Бер К.М.* Об этнографических исследованиях вообще и в России в особенности // *Записки Русского Географического Общества*. Кн. 1–2. 2-е изд. СПб., 1849. С. 65.

³ Там же. С. 77.

ный экспансионизм западноевропейского христианства и просветительства. Бэр, говоря об отношении испанцев к коренному населению Америки и об отношении к «диким» людям во Франции и в Германии, пишет: «Мы ограничиваемся желанием ясно представить, как в различное время и при различных отношениях народы, почитавшие себя более просвещенными, смотрели различно на положение менее образованных. Каждому известно, например, что в средние века народы Западной Европы были твердо убеждены, будто положение всех нехристианских племен есть самое ужасное и что обращение их в христианство, хотя бы оно совещалось мечом и огнем и хотя бы за ним следовало самое тяжелое и унижительное рабство, есть со всем тем не только христианский подвиг, но даже большое благодеяние для этого народа»¹.

Хотя Бэр признает, что оценки достижения «просвещения» могут быть различными в зависимости от личного взгляда на собственное общественное положение, он все-таки подчеркивает негативную сторону европейского «просвещения»: «Я должен припомнить, что долго верили и теперь еще отчасти верят, будто приближение к просвещенным формам жизни осчастливливает грубые народы и дает им скорое развитие, хотя распространение в последнее время европейского просвещения подтвердило это предположение только в немногих местах»².

Считая, что европейское «просвещение» выгодно исключительно для меньшинства населения Земли, он следующим образом указывает на печальные судьбы большинства народов вне Европы: «Большое число народов других частей света не сделались ни счастливее, ни лучше от сближения их с европейцами. Некоторые исчезают, другие превращены в рабов, большая часть потеряла много радостей своей жизни, частью от уничтожения морального самосознания, частью от уменьшения средств к жизни. Никто не удивится, что народ тяготится и становится мрачным, если его средства к жизни уменьшены пришельцами»³.

Как видно из этой цитаты, Бэр считает, что счастье народа состоит в существовании самого народа, сохраняющего свою свободу и материально-экономическую самостоятельность, которые дают ему радость жизни и нравственное самосознание.

По его схеме всеобщего развития народов, каждый народ постепенно проходит путь от ступени удовлетворения животных потребностей самосохранения через среднюю ступень «потребности

¹ Там же. С. 66–67.

² Там же. С. 73–74.

³ Там же. С. 74.

эгоизма: желание выигрыша, увеличения богатства материального, стремление господствовать, искание славы, также желание нематериальных сокровищ» к чисто умственному влечению «к удовлетворению высших потребностей – а отсюда поэзия и словесность», т. е. к высшей степени образованности¹.

Исходя из такой точки зрения постепенности развития «образованности» народов и их государств, Бэр говорит о необходимости иметь «полное знание государственной жизни», чтобы найти настоящую постепенность, которой должно следовать в образовании народа. «Для этого совершенно необходимы сведения о многочисленных формах жизни народной и о том, в какой степени они зависят от условий местности, племенных различий и умственных особенностей и как действуют на самосознание народа»². Здесь можно сказать, что для Бэра главная задача этнографического исследования состоит в точном познании состояния «образованности» различных народов с тем, чтобы государство могло постепенно и медленно развивать народ, не допуская при этом внезапные перемены образа жизни, которые могут убить его жизненную силу и привести к уничтожению³.

Хотя Бэр, упоминая такие имена представителей физической антропологии, как И. Кант, К. Мейнерс и И. Блуменбах⁴, признает, что условия местности и телесная организация определяют различия способностей народов⁵, он также подчеркивает важность культурного наследия народа: «Все, что народ сохранил от прошедшего, может повести часто к весьма важным заключениям. Сюда мы отнесем: физические свойства народа, умственные способности его, религию, предрассудки, нравы, способы к жизни, жилища, посуду, оружие, язык, поверья, сказки, песни, музыку и проч. Даже часто местные названия дают достовернейшие сведения, чем подлинные документы»⁶.

Здесь Бэр отдает приоритет преданиям как живым источникам перед письменностью. Это вполне естественно, учитывая, что он считает именно «поэзию» выражением высшей степени образованности и самосознания каждого народа.

В заключение своего доклада он, излагая свой конкретный опыт полевых исследований на Новой Земле, очерчивает свое идейное направление в этнографических исследованиях. Он пишет: «Я

¹ Там же. С. 75.

² Там же. С. 76–77.

³ Там же. С. 74.

⁴ Там же. С. 68.

⁵ Там же. С. 70.

⁶ Там же. С. 71.

был поражен строгостью, с коей промышленники следуют правилам, введенным обычаем. Эти правила исполняются точнее, чем писанные законы во всех государствах. Всеобщее в русском народе обыкновение устраивать артели для общих промыслов здесь доведено до высшей степени»¹. Таким образом, он видит в обычном праве рыбаков северной России высшую форму развития объединения промышленников для совместной работы и моральной образованности. Дальше он пишет: «Не менее удивила меня в этой стране всеобщая безопасность и неприкосновенность собственности при совершенном отсутствии полиции и правителей»².

При этом нужно заметить, что Бэр справедливо отмечает и другую сторону нравственного характера народа Новой Земли, говоря следующее: «Но здесь меня уверили, что те же люди столько честные, верные и бескорыстные далеко на севере, делаются хитрыми и лукавыми в сношениях с полицейскими властями. Там они почитают свои обычаи необходимостью, здесь же видят в законах только препоны, которые надобно обойти»³. С его точки зрения, проблема состоит в отношениях народа с полицейскими властями, так как «законы обычая основаны не только на общей необходимости. Они зависят также от природных свойств человека»⁴.

Таким образом, можно сказать, что Бэр, критически относясь к европейскому «просвещению», уничтожающему и унифицирующему разнообразие народностей, рассматривает этнографию как научное средство для того, чтобы не только познавать народность, но также оберегать и развивать своеобразную «образованность» народа, которая сохраняется в предании и обычаях несмотря на европейское «просвещение».

* * *

В октябре того же года на годовом собрании РГО Надеждин прочитал доклад «Об этнографическом изучении народности русской». Сравнивая его с выступлением Бэра, мы находим, что предлагаемая Надеждиным задача этнографии не противоречит позиции Бэра, а, скорее, дополняет и уточняет ее с точки зрения Надеждина как специалиста по истории и филологии. Если аргументация Бэра строится вокруг жизненной необходимости этнографии как таковой, то цель Надеждина – сформировать организацию «этнографии России» наряду с отделами топографии, статистики и геодезии в рамках РГО.

¹ Там же. С. 77.

² Там же. С. 79.

³ Там же.

⁴ Там же.

Надеждин, четко определив назначение русской этнографии как самопознание самого народа русского, утверждает, что у русского народа довольно материалов «для русской этнографии», которые передаются «в так называемых народных приметах и поверьях, сказках и песнях, пословицах и прибаутках, замечательных и изобилием и характерностью в особенности у человека русского», но самой этнографии как науки еще нет, так как собирание материалов не систематизировано и собранные материалы не подвергаются строгой критике. Поэтому, по мнению Надеждина, для становления этнографии как науки необходим специальный отдел, изучающий исключительно «этнографию России»¹.

Самой важной заслугой Надеждина можно считать то, что он, признав способность человека «видоизменять естественный порядок земного устройства», стремится понять отвлеченное понятие «человек» на уровне разнообразной действительной жизни человечества, отличающейся от части «натуральной истории», или зоологии². Он, подчеркивая важность применения лингвистики в этнографическом исследовании, высоко оценивает работу известного чешского ученого П. Шафарика «Славянское народописание» (Прага, 1842)³. Отмечая важность языка в этнографии, Надеждин также утверждает, что «внимание этнографии естественно должно обращаться порознь на обе составные ее стихии, т. е. “телесную” и “духовную”»⁴.

Говоря о физической этнографии, изучающей телесные элементы, Надеждин, упоминая нескольких западноевропейских ученых по френологии, таких как Капмер, Blumenбах и Оуэн, пишет: «Вообще, приложение естественного познания человека к народознанию началось весьма недавно и до сих пор не может хвалиться особенно успешностью развития»⁵. При этом он замечает, что «“общественная образованность” или то, что называется обыкновенно “цивилизацией”, имеет силу возводить физические различия народов как будто к общему однообразному виду». Кроме того, он берет работу Причарда (J. C. Prichard) «История природы человечества», в которой утверждается единство человеческого рода, и цитирует вывод в рассуждении о «физико-этнографическом характере племени славянского»: «Если оно имеет в этом отношении какие-либо осо-

¹ Надеждин Н.И. Об этнографическом изучении народности русской // Этнографическое обозрение. 1994. №1. С. 108–109.

² Там же. С. 109.

³ Там же. С. 112.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

бенности, так эти особенности не должны быть очень резки, а потому нелегко могут быть и замечены»¹.

Итак, Надеждин придает более важное значение «психической этнографии», изучающей духовную природу отдельного народа, нежели «физической этнографии». Он считает, что собственным предметом психической этнографии является «народная в собственном смысле психология», или разбор и оценка удельного достоинства народного ума и народной *нравственности*, как они проявляются в составляющих народ личностях, *семейное* устройство народа со всеми его особенностями, *домохозяйство* и вообще промышленность, жизнь и образованность общественная, поскольку развита народом из самого себя, *религия*, как «народ ее себе придумал или присвоил», чем человек доказывает, что «он живет не только как ему можется, но как сам хочет и как умеет»².

Можно считать, что указанные сферы исследований «этнографии» относятся к тогдашней германской «статистике (*staatskunde*)» как одной из отраслей камеральных наук, схожей с современным страноведением, изучающим социологические, экономические, политологические и культурологические данные. Однако Надеждин так объясняет разницу между «статистикой» и «этнографией»: «статистика рассматривает народный быт как составную стихию жизни государственной, везде имеет в виду отношение народа к государству, тогда как этнография во всем видит лишь народ и в нем смотрит только на его значение и место в роде человеческом»³.

Из этого объяснения видно, что для Надеждина этнография изучает любую народность независимо от государственности. Поэтому он признает важным предметом русской этнографии «русских» вне Российского государства, например «закарпатскую Русь»⁴.

Для того, чтобы глубже осознать смысл народности как предмета этнографического изучения в мировоззрении Надеждина, нужно рассмотреть ценностную сторону этого понятия. Согласно Надеждину, у каждого народа есть своя духовная жизнь, и, следовательно, у него должна быть собственная народная поэзия, через которую люди могут подниматься до высот совершенства «общечеловеческого». В таком его понимании народности она имеет в себе также идейную, аксиологическую плоскость⁵. Поэтому не удиви-

¹ Там же.

² Там же. С. 114–115.

³ Там же.

⁴ *Надеждин Н.И.* Об этнографическом изучении народности русской // Этнографическое обозрение. 1994. №2. С. 133.

⁵ *Симосато Т. Н. И.* Надеждин: от эстетики и литературной критики к этно-

тельно, что Надеждин придавал самое важное значение религии среди всяких духовных явлений у каждого народа, в том числе «нецивилизованного» и нехристианского¹, и что он со всей душой изучал неофициальные религиозные движения в работах «Исследование о скопческой ереси» и «О заграничных раскольниках»².

* * *

Проект этнографического отдела РГО осуществлялся в виде «Этнографических сборников», и первый выпуск вышел в свет в 1853 г. под редакцией Надеждина и К. Д. Кавелина. В «Предисловии» к сборнику редактор, как представляется, Надеждин, пишет: «С самого своего основания Общество стало получать от частных лиц сборники песен, сказки, записанные простонародные обряды, праздники, поверья и тому подобные этнографические материалы. Достоинства этих сборников доказывали сочувствие людей просвещенных к занятиям Общества и готовность их содействовать его трудам. Но в то же время, недостатки таких сборников, именно неполнота и отсутствие общего плана, указывали на необходимость дать направление и единство собиранию этнографических материалов в России»³.

В целях систематизации исследовательской деятельности РГО в 1847 г. была издана программа, по которой все желающие могли посылать описания местных достопримечательностей по определенному плану, охватывавшему следующее: «наружность жителей; отличительные особенности их наречия; домашний быт (жилища, домашнюю утварь, одежду, пищу, обычаи и обряды, сопровождающие разные эпохи и случаи жизни, народную медицину, любимые занятия, народное увеселение, как-то: песни, пляски, музыку; расчет денежных средств жителей); юридические обычаи; умственные и нравственные способности и образование; наконец – местные народные предания и памятники». Очевидно, что кроме «наружности жителей» остальные предметы описания относятся к так называемой «психической этнографии», по терминологии Надеждина. Под его руководством более семи тысяч экземпляров этой программы

графическому изучению культуры // Вестник Московского университета. Серия 7: Философия. 2015. № 5. С. 26.

¹ *Надеждин Н.* Свод инструкции для Камчатской экспедиции, предпринимаемой Императорским Русским географическим обществом. I. Часть этнографическая. СПб., 1852. С. 25.

² *Соловей Т.Д.* Николай Иванович Надеждин. У истоков отечественной этнологической науки // Этнографическое обозрение. 1994. № 1. С. 106.

³ [*Надеждин Н.И.*] Предисловие // Этнографический сборник, издаваемый Императорским Русским Географическим Обществом. Вып. 1. 1853. С. V.

были разосланы во все губернии в виде «инструкции» для желающих передать этнографические материалы в РГО¹.

В результате такой организации массовых исследований РГО получило не менее двух тысяч экземпляров описаний местных достопримечательностей. Из них в качестве образцов этнографических материалов для первого выпуска сборника было выбрано 11 статей. По словам редактора, все статьи этого выпуска были напечатаны «с дипломатической точностью», так как того требовало «историческое и научное значение памятников русской народной жизни, содержащихся в этнографических описаниях»².

Интересно, что большинство описаний бытовой жизни местного населения было предоставлено местной духовной интеллигенцией (священниками, профессорами и студентами духовных семинарий), а также учителями гимназий и помещиками. Таким образом впервые в истории России началось проведение организованных и систематизированных исследований по этнографии, а также было налажено издание их результатов.

В заключение хотелось бы сказать, что без совместных усилий Бэра и Надеждина не могло бы произойти становление этнографии как официальной, общепризнанной науки в рамках Императорского Русского Географического Общества, а также сообщества ученых, способного собирать богатые культурные ресурсы в целях поиска идентичности различных народностей, проживающих в России, и противостоять при этом господствующей на Западе тенденции распространения «физической этнографии».

¹ Там же. С. VI.

² Там же. С. IX.